

ТИНА ФЕЛИС

ЛАРСОН ПЕРВЫЙ

Книга вторая. Ткач миров

Тина Фелис Ларсон Первый.Ткач Миров.Книга вторая

<https://litres.ru/74490292>

SelfPub; 2026

Аннотация

Умная планета построена. Но покой оказался лишь передышкой.

Ларсон — Хранитель нового мира, соединивший в себе знание древних кодов и волю создателя. Пока переселенцы обживают город, рождённый из света, на Земле нарастает угроза: Тьма ищет новую форму, и на этот раз она может явиться в лице того, кого Ларсон любит больше всего.

Чтобы защитить оба мира, ему предстоит пройти испытание Храма Междумирья, где нельзя солгать даже себе, разгадать формулу, которая старше самого Олимпа, — и понять, чем на самом деле придётся заплатить за спасение планеты.

Иштар, Адонис, София — каждый из них станет для Ларсона и опорой, и испытанием. А где-то на Земле женщина по имени Кая чувствует: расстояние между ними — это не только расстояние между мирами.

Вторая книга дилогии о выборе, который приходится делать даже Ткачу миров.

Содержание

Оглавление	5
Часть 1. Предел Света — Порог Тьмы	7
Часть 2. Тот, кто видел себя	11
Часть 3. Удар по невидимому	20
Часть 4. Разделение	28
Часть 5. Храм Междумирья. Первый обряд	34
Часть 6. Сон Каи	40
Часть 7. Переселение избранных землян на Умную планету	46
Часть 8. Первый день Новых	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Тина Фелис
Ларсон Первый.Ткач
Миров.Книга вторая

ЛАРСОН ПЕРВЫЙ

Часть вторая. Ткач миров

Оглавление

Часть 1. Предел Света — Порог Тьмы 4

Часть 2. Тот, кто видел себя 6

Часть 3. Удар по невидимому 13

Часть 4. Разделение 18

Часть 5. Храм Междумирья. Первый обряд 22

Часть 6. Сон Каи 25

Часть 7. Переселение избранных землян на Умную планету 29

Часть 8. Первый день Новых 34

Часть 9. Фигура без имени 39

Часть 10. Сон земной девушки 44

Часть 11. Голоса 48

Часть 12. Ткач 53

Часть 13. Первое вмешательство инопланетян 58

Часть 14. Путь к Упавшей Звезде 62

Часть 15. Первый город на Умной планете 66

Часть 16. Возвращение крови 70

Часть 17. Искушение Грейс 77

Часть 18. Шахматный сад. Аристократка миров 82

Часть 19. Шёпот Аристократки и его смыслы 86

Часть 20. Отправка Грейс на Землю 93

Часть 21. Битва с Грейс и разделение миров 97

Часть 22. Мгновения тёплых воспоминаний 104

Часть 23. Победитель! Сбывшиеся мечты и новые горизонты 110

Часть 24. Академия на Умной планете. Храм Памяти 113

Часть 25. Зал Поэзии и Слова 116

Часть 26. Зал Живописи и образов 117

Часть 27. Зал Истории и Путей 118

Эпилог. Дерево, которое помнит 120

От автора 123

Часть 1. Предел Света — Порог Тьмы

Междумирье дышало. Не воздухом, не водой, не пустотой — чем-то третьим, похожим на мысль, ещё не произнесённую вслух, но уже родившуюся. Пространство жило в такт тем, кто в нём находился: меняло цвет вместе с их настроением, пульс — вместе с их страхами, звук — вместе с их надеждой.

Только один из них не пел в унисон.

Ларсон стоял на скале из светящихся минералов, на самом краю новой реальности, выстроенной по Картам Древних, найденным в Хранилище Знаний. Внизу раскинулись города-спирали, сады, напоённые нектаром памяти, школы, где дети учили язык самих стихий, мосты, ведущие в иные измерения.

Он создал всё это своими руками. Внук Творца. Хранитель Умной планеты, устоявший перед Тьмой, переживший испытание Афродитой, сохранивший Землю.

И всё же покоя не было.

Сны его изменились. В одном он видел ту, что осталась на Земле, — она смотрела на него сквозь стекло старого вагона метро, а за её спиной лежал разрушенный город. В другом являлась Иштар — существо красоты, огня и разума, в чьём взгляде не было ни жалости, ни памяти о прошлом. Только ожидание. Только вечность.

Он просыпался с одним и тем же вопросом: куда ведёт его путь — домой или дальше?

— Ты сомневаешься, — произнёс знакомый голос за спиной.

Он обернулся. Адонис.

— Ты знаешь, как я устроен, — усмехнулся Ларсон.

— Знаю, — кивнул кузен. — И ты не из тех, кто останавливается. Но Междумирье — не остановка. Это дверь. Вопрос лишь в том, куда ты хочешь войти.

Они молчали, глядя на горизонт, туда, где свет касался границ, некогда принадлежавших Тени.

— Знаешь, что странно? — сказал наконец Ларсон. — Я чувствую Тьму. Она не ушла. Она просто ждёт. Не снаружи — внутри этой реальности.

— Возможно, она уже здесь, — тихо ответил Адонис. — Мы выставили барьеры. Но Тьма учится. Она ищет путь не снаружи. В людях.

— Или во мне, — почти шёпотом произнёс Ларсон.

Адонис посмотрел на него внимательно.

— Ты хочешь снова пройти через испытание?

— Я должен. Иначе всё, что мы построили, рухнет.

В тот же день Ларсон отправился один — в самую глубокую точку Междумирья, туда, где находился Сердечный Кристалл Реальности, хрупкое ядро, питающее целую новую вселенную.

Он вошёл в зал из живого кварца. В звенящей тишине его кто-то ждал.

Фигура в плаще, лицо скрыто под тканью. Голос — глубокий, ровный.

— Ты хочешь узнать правду? — спросило существо.

— Я хочу увидеть, откуда снова придёт Тьма.

— Тогда смотри.

Зал исчез в тот же миг.

Он стоял на Земле — той самой, но не в прошлом. В будущем. Города здесь были мертвы. Не осталось ни Иштар, ни Умной планеты. Только люди — снова кланяющиеся богам из машин, забывшие, что были когда-то частью целой Вселенной.

Мёртвая, серая тишина накрывала город, как саван. И где-то в глубине этого видения Ларсон почувствовал: именно отсюда — из забвения, из потери связи с чем-то большим — Тьма и черпает свою настоящую силу.

Часть 2. Тот, кто видел себя

Ларсон вышел из зала Сердечного Кристалла медленно, будто нёс на плечах целую эпоху. Междумирье встретило его привычным светом — но он знал: что-то изменилось. Он сам изменился.

На первый взгляд всё оставалось прежним: команда, купол из живого стекла, наблюдательные посты, связь с Умной планетой, звёздная карта.

Адонис ждал его у входа, взгляд сосредоточенный.

— Ты долго не возвращался.

— Я видел слишком много, — ответил Ларсон.

— Что именно?

Он не ответил сразу. Потом тихо:

— Себя. Без памяти. Без любви. Без человечности.

— Двойника?

— Нет. Возможную версию. Ту, кем я стал бы, если бы однажды выбрал силу, а не путь.

— Думаешь, Тьма использует это против тебя?

Он кивнул.

— Она не ломает. Она соблазняет.

Вернувшись на корабль, он начал наблюдать. За каждым. Даже за Адонисом. Слишком многое теперь зависело от правильного выбора, от доверия, от времени.

Он заметил странности. Одного из навигаторов не было на месте в момент последнего сигнала с Земли. Офицер связи стал говорить тише обычного, избегая взглядов. А инженер Кая, с которой он всегда говорил откровенно, вдруг заговорила иначе — сухими, будто заранее просчитанными фразами, больше похожими на алгоритм, чем на живую речь.

Агент Тьмы был здесь. Не снаружи — внутри. Как вирус в коде. Как мысль, незаметно подменяющая смысл.

Позже, в тишине центрального зала, он вызвал Софию.

Она явилась светом, переливающимся золотом и лазурью.

— Ты вернулся с вопросом, — сказала она.

— Как мне узнать, кто Агент Тьмы? Я уже подозреваю всех. Даже себя.

— Ты уже знаешь.

— Я подозреваю. Но не уверен.

— Тогда спроси себя: кто из них вызывает в тебе страх?

Ларсон молчал.

— Агент Тьмы — не просто предатель, — продолжила София. — Это существо, способное принять любую форму, любую мысль, любой страх. Оно может стать тем, кого ты любишь. Тем, кому доверяешь.

— Даже... Иштар? — прошептал он.

— Возможно. Или её образ. Или твою память о ней. Тьме не нужно тело — ей нужна лишь слабость.

— Как мне защитить остальных?

— Найди в себе ту часть, что ещё не сделала выбор. Именно там — дверь.

Той ночью он спустился в Эхо — хранилище снов и памяти, где каждый член команды оставлял отпечаток собственной психоэнергии. Он подключился к системе.

И увидел тень — не тьму, а нечто иное, будто негатив на плёнке, пробуждающийся в одной из матриц.

Имя: Кая.

Но энергетический рисунок был чужим. Молекулярный состав нестабилен. Мысленные импульсы — двойные.

Он понял: Агент Тьмы не мёртв. Он просто спал, дожидаясь своего часа. И этот час был близко.

Он услышал голос — тихий, вползающий прямо в сознание:

«Я не враг. Я тень твоего факела. Я была рядом, когда ты родился, и останусь рядом, когда ты забудешь, кто ты есть. Я не скрываю истину. Я раскрываю её медленно — как ночь раскрывает звёзды одну за другой. Думаешь, ты победил ме-

ня? Ты построил барьеры. Зажёг маяки. Но даже в твоём свете есть угол, куда ты никогда не заглядываешь. Там — я. Ты выбрал путь Между. А значит, я рядом. Сила, которой ты владеешь, — не твоя. Она дана, но не подарена. Любовь, которую ты помнишь, не вечна. Она живёт лишь пока ты держишь равновесие».

Ларсон позвал Каю в Обсерваторию — самое открытое, прозрачное место на корабле. Купол раскрывался прямо в звёзды, и в этой тишине негде было спрятаться за тенью.

— Ты изменился, — сказала она первой.

— А ты нет, — ответил он.

— Это упрёк?

Он помедлил.

— Это вопрос.

Кая подошла ближе. Глаза её оставались прежними — тёплыми, разумными, мягкими. И всё же — слишком безупречными.

— Что ты хочешь спросить, Ларсон? — она произнесла

его имя странно, будто пробуя его на вкус.

Он вдохнул.

— Где ты была в момент связи с Землёй?

— В секторе вентиляции. Были сбои. Я сообщила об этом Адонису.

— Нет. Записей об этом нет.

Она прищурилась.

— Ты следил за мной?

— Я искал Агента Тьмы.

Тишина повисла — слишком долгая для случайной паузы.

— И ты думаешь, что это я?

Он не ответил.

Она подошла ещё ближе. Лицо её будто дрогнуло в воздухе — точно за ним пряталась ещё одна маска. Или две. Или три.

— А если я не Агент? — сказала она. — А если я — твоя любовь?

— Что?

Она коснулась его руки.

— Что, если ты не можешь различить, кто из нас настоящий: Иштар, девушка с Земли... или я?

— Ты не она, — резко сказал он.

— Кто же тогда она? — прошептала Кая с улыбкой. — Ты ведь даже не уверен, любил ли её по-настоящему. Она осталась на Земле. Осталась лишь в твоей памяти. А я здесь. Живая. Рядом.

Глаза её вспыхнули — не злобой, а чем-то более пугающим: истиной, холодной и голой.

— А что, если все твои чувства — просто манипуляция?

— Моим сердцем не манипулируют, — резко сказал он.

— Ах да. Но сердце — самая уязвимая точка, не правда

ли?

Голос её изменился — стал механическим, хриплым, будто говорили две сущности разом. Глаза опустели, зрачки расширились, и изнутри проступил другой лик — без пола, без времени, без памяти. Чистая Тьма.

— Я был рядом всегда, — прошептало существо. — Я знал, что ты сомневаешься. И это — мой путь внутрь.

Он отступил — но лишь на шаг.

— Ты ошибся, — сказал он. — Сомнение — не твоя дверь.

— Нет?

— Нет. Оно моё зеркало.

— Тогда загляни в него.

И он увидел разом: образ земной любви, тепло Иштар, лицо деда, пламя разрушенной Земли. И собственные глаза — холодные, чужие, не его.

Но он не отступил.

— Я не выбираю между вами, — сказал он твёрдо. — Я выбираю жить как человек. Любить с болью. С сомнениями. С потерями. Именно это делает меня неуязвимым для тебя.

Тьма взвыла — не звуком, а вибрацией, от которой содрогнулся сам купол. Иллюзия Каи рассыпалась пеплом света. Но что-то внутри осталось — не уничтоженное, лишь отступившее. Будто Агент понял: ещё не время.

Ларсон стоял один, зная, что снова сделал выбор.

Но путь только начинался.

Часть 3. Удар по невидимому

Ларсон стоял в зале проекций, где память живых и мёртвых могла быть вызвана через энергоматрицы. Первым вошёл Адонис. Следом — София.

— Всё подтвердилось, — сказал Ларсон. — Агент Тьмы — не личность. Это система. Она встроена в самую ткань корабля.

— Тогда нам нужно не вычислять её, — сказал Адонис, — а сломать её код. И создать свой.

София посмотрела на них с печальной ясностью.

— Код Агентов основан на страхе. Вы должны противопоставить ему не только разум, но и внутреннее единство команды. Иначе защита Умной планеты будет пробита.

— Тогда мы соберём всех, — сказал Ларсон. — И я выведу Агента на свет. При всех.

— Это риск, — сказала София.

— У нас нет выбора.

В Зале Единства собралась вся команда. Ларсон стоял перед ними — теперь не просто как лидер, а как инициатор новой защиты. Он смотрел в глаза каждому.

— Кто среди нас носит Тьму — проявись, — сказал он. — Не потому что я приказываю. А потому что ты сам хочешь быть узнанным. У Тьмы тоже есть жажда быть увиденной.

Молчание. Потом дрожь в воздухе, мягкая, как биение сердец. Свет в центре зала начал гаснуть — неравномерно, рывками.

— Пять... четыре... три... — тихо считал он. — Кто не выдержит света — тот и предаст.

На счёте «два» одна из фигур отшатнулась.

На «один» раздался всплеск энергии, и проекция человека рассыпалась, обнажая ядро — не разум, а энергетическую воронку, нечто совсем иное.

Агент оказался не один. Их было два. Один — носитель. Второй — наблюдатель, пытавшийся проникнуть в самого Ларсона через сны, видения, через образ Иштар, через саму

любовь и сомнение.

Ларсон произнёс:

— Я иду в ядро. Прямо внутрь Тьмы. Один.

София попыталась его остановить. Адонис закричал.

Но портал уже открылся. Ларсон шагнул внутрь. Свет погас. Он остался один.

И Тьма поприветствовала его голосом Иштар.

— Ну что, герой... Любовь не спасла тебя? Или ты всё ещё хочешь в неё верить?

Он не ответил. Он шёл к центру ядра. Свет внутри него горел слабо, но ровно.

И он вынес наружу не меч, не щит, не знание — а образ. Образ двух женщин: той, что осталась на Земле, и той, что жила среди звёзд. Он не выбирал между ними.

— Я человек, — сказал он. — А значит, могу любить и помнить, сомневаться — и всё же идти вперёд. Это то, чего у тебя нет. И никогда не будет.

Тьма зашипела. Ядро треснуло. Он вынес из него частицу света, что была заперта внутри, как душа.

Он вышел. Упал. Команда окружила его.

София молчала, но свет вокруг неё стал мягче. Адонис опустил голову — но глаза его светились гордостью.

— Ты разрушил ядро, — сказал он. — И сохранил команду.

Ларсон поднялся.

— Это не конец. Это новая фаза.

Где-то далеко, за пределами Умной планеты, в неведомом мире Иштар открыла глаза, почувствовав его поступок, и произнесла:

— Он стал тем, кто может вернуться.

Первые тревожные признаки проявились спустя три часа.

— Изменения в гравитации, — доложил Адонис. — Пространство в радиусе трёхсот астрономических единиц начи-

нает деформироваться.

— В какую сторону? — спросил Ларсон.

— Ни в какую. Оно теряет направление.

София стояла молча, прижав ладони к центральному кристаллу. В её глазах плыл свет — не золотой, а серебристо-чёрный.

— Ты нарушил баланс, — произнесла она.

— Я спас свет.

— Но освободил древнюю Тень. Не личность. Её принцип. И теперь он ищет, где закрепиться.

На Земле в это время у тысяч людей начались необъяснимые сны. Одни видели гибель планеты, другие — чёрные дыры в зеркалах, третьи — собственные отражения, говорящие чужими голосами.

Ларсон почувствовал это во сне — как эхо, как зов.

Он собрал команду.

— Мы не разрушили Тьму, — сказал он. — Мы разбудили её.

— Что теперь? — спросила Кая, снова в человеческом облики, будто пытаясь восстановить доверие.

— Теперь она в движении. И ей нужен носитель.

— Кто им может стать? — Адонис был предельно серьёзен.

Ларсон посмотрел на них всех.

— Любой из нас. Или кто-то на Земле. Или... я сам.

София выступила вперёд.

— Чтобы не дать Тьме обрести форму, нужно создать новое ядро — нейтральное, живое, сильное.

— Где?

— Там, где всё началось.

— Земля? — спросил Адонис.

— Нет, — сказала она. — Между мирами.

— Ты хочешь открыть Портал?

София кивнула.

— Это возможно только с участием богов Олимпа и Сил Царства Мёртвых. Тех, кто когда-то уже стоял между Светом и Тьмой.

Ларсон замолчал. Он знал: создание нового ядра означает жертву. Кто-то должен стать его центром. Живой. Осознанный. Сильный. Он сам. Или Иштар. Или кто-то, кто ещё не пробудился.

— Тогда у нас есть одна попытка, — сказал он. — Мы создаём Нейтральное Сердце, чтобы Тьма не смогла больше существовать как разрушение.

— А если не получится? — спросила София.

— Тогда она найдёт форму. И обретёт имя. И начнётся третья война миров.

Ларсон перебирал в голове варианты. Создание Портала Междумирья — с помощью древних богов и новых союзни-

ков с других планет. Рождение нового ядра — где кто-то должен пожертвовать собой ради общего баланса. Земля в опасности — сновидения, массовые видения, проявления Тьмы через технологии и новые сети.

Была и другая мысль, тревожившая его сильнее прочих: выбор любви — между Иштар и земной девушкой, но уже на новом уровне. Любовь могла стать мостом между мирами. А могла — ловушкой Тьмы.

«Нельзя оставить Землю без защиты, — думал он. — Форма Тьмы может принять мой облик как свою тень. Или облик деда».

— Нужно разделить команду, — решил он вслух. — Одну часть отправим на Землю, вторую оставим здесь, на Умной планете.

Часть 4. Разделение

Ларсон собрал команду после первых сигналов о странных снах и сбоях, начавшихся на Земле. Решение созрело быстро и тяжело: разделиться.

Первую группу, отправлявшуюся на Землю, составили Адонис — как тактический ум операции, Кая — как та, кто лучше других понимал человеческую природу и, возможно, сохранял незримую связь с земными агентами Тьмы, — и трое специалистов: врач, энергетик и бывший ИИ-аналитик.

На Умной планете оставались Ларсон — ключевая фигура для создания нового ядра, София — их связь с богами и кодами Междумирья, Иштар — чья форма, как замечал Ларсон с растущей тревогой, начинала истончаться прямо на глазах, — и один из богов Олимпа в роли наставника, которого ещё предстояло согласовать: возможно, Гермес, возможно, Аполлон.

В тот же день от земной группы пришёл первый отчёт.

Земля. Три крупных города. Люди повсеместно жаловались на бессонницу, на «двойников» в зеркалах, на необъ-

яснимые сбои в системах ИИ. Тревожность и психические расстройства росли стремительно, будто эпидемия, у которой не было физического возбудителя.

Команда уже искала центры энергетических аномалий и людей, «отмеченных» Тьмой — потенциальных носителей новой её формы. Появилось и тревожное предположение: один из бывших союзников деда мог оказаться под влиянием Тьмы и негласно создавать организацию под лозунгом «Освободим Землю от вмешательства извне».

Именно этого Ларсон и опасался больше всего.

Умная планета. Работа над созданием нового ядра шла полным ходом в Храме Междумирья, куда открылись врата и Олимпа, и Царства Мёртвых.

Но состояние Ларсона ухудшалось день ото дня: разрушенное ядро Тьмы оставило в нём след, который никак не заживал. Иштар переживала собственный кризис — её любовь к нему, казалось, ускоряла её же распад. София всё чаще уходила в прямой контакт с Хранителями Междумирья, оставляя их одних дольше, чем прежде.

Цель оставалась одна — создать Нейтральное Сердце: не свет и не тьму, а чистое поле, способное переписать сам кос-

мический баланс.

«Возможно, кто-то должен стать якорем, — думал Ларсон. — Временно. Или навсегда».

Тем временем на Земле Кая начала чувствовать нечто новое — не просто тревогу за Ларсона, а нечто более прямое, почти телесное: он отдалялся. Не только от неё — от самого человечества. Она понимала, каким-то новым, необъяснимым чутьём: там, в космосе, он переживает внутренние атаки остаточной Тьмы, ему мерещится дед — но искажённый, чужой. Она знала, что боги поставили ему условие: чтобы запустить новое ядро, нужна жертва. И она чувствовала, как на Земле Агент Тьмы уже расставляет ловушку для кого-то из их команды — а второе ядро Тьмы уже начинает формироваться где-то поблизости.

Земля встретила их тишиной — тишиной пришельцев, а не гостей.

Всё выглядело обычно: города, дороги, привычное небо. Но в этой обыденности было что-то фальшивое, будто кто-то подменил настоящую реальность декорациями.

Адонис первым почувствовал неладное. Он провёл ладонью по стене бывшего Центра связи.

— Пластик, — сказал он. — Холодный. Без единой вибрации.

— Что это значит? — спросила Кая.

— Это значит, что здесь нет ни следа жизни. Ни одного живого кода.

Они высадились в столице — том самом городе, где когда-то дед Ларсона произносил свою последнюю речь, говоря о черте, которую человечеству нельзя переступать. Теперь эта черта была давно стёрта.

На улицах — люди. Но двигались они словно в замедленной съёмке: молча, не глядя друг на друга, не реагируя на присутствие чужаков.

— Мы опоздали, — прошептал аналитик.

В первую же ночь их начали преследовать сны. Каждый видел своё: собственное отражение, искажённое, как в кривом зеркале; голос деда, звучащий с горьким укором — «Зачем вы вернулись, если не изменились?»; огромную тень, стекающую с неба прямо в реальность, будто чернила в воду.

Кая проснулась в холодном поту. На запястье темнел след — точно ожог.

Адонис отдал приказ немедленно изолировать команду и установить щиты.

— Мы имеем дело не с физической угрозой, — сказал он.
— Это психоэнергетическое заражение.

Вскоре они узнали: в городе появилась группа, называющая себя Преображёнными. Чёрные глаза. Они не спали. Они ждали Его возвращения.

— Кто такой «Он»? — спросил кто-то из команды.

— Они зовут его по-разному, — ответил аналитик, изучая перехваченные разговоры. — Тот-Кто-Смотрит. Зеркало. Носитель.

— Значит, Тьма уже выбрала форму, — сказал Адонис.

— Или всё ещё ищет новую, — тихо возразила Кая.

По всему миру происходили странности: у новорождённых фиксировались чуждые нейронные паттерны, устройства искусственного интеллекта замолкали или отвечали на

вопросы прежде, чем их успевали задать, в небе вспыхивали всполохи без всякого видимого источника.

И сквозь всё это на Умную планету пробился один короткий сигнал с Земли:

«Мы слышим. Мы помним. Спасите нас».

Часть 5. Храм Междумирья. Первый обряд

Храм стоял на самой грани миров — не на планете, но и не в пустоте. Его стены были сотканы из вибрирующего света, а пол — из воды, которая не смачивала ног.

Ларсон переступил порог, и храм узнал его: камни отозвались мягким золотым свечением.

Следом вошла София, неся в руках Ключи Знаний, выгравированные прямо в звёздной ткани. Последней вошла Иштар. Лицо её оставалось спокойным, но глаза мерцали неровно — она теряла форму, будто само это место вытягивало из неё силу.

София помедлила, будто взвешивая, стоит ли говорить это вслух.

— Ты должен быть готов, — сказала она наконец. — Здесь нельзя лгать самому себе. Мне тоже когда-то пришлось это узнать.

На алтаре пульсировал Кристалл Сердца.

Первый обряд заключался в соединении Света и Тьмы без разрушения одного другим. София провела ладонью над кристаллом, следом за ней — Иштар. Кристалл вспыхнул одновременно синим и чёрным.

— Теперь ты, — сказала София.

Ларсон приблизился. Внутри проснулась боль — не физическая. Он вспомнил её слова: здесь нельзя лгать себе.

Он занёс руку над кристаллом, не касаясь его, и увидел разом: Землю, девушку, которую там оставил, деда, и ту Тень, что однажды впустил в себя. И страх — тонкий, острый: что если ядром новой Тьмы станет он сам?

Он опустил руку на кристалл.

Мир взорвался светом и тьмой одновременно.

Он увидел Землю.

Часть его команды, высаженную туда с Умной планеты, — на самой передовой психической реальности, где грань между внутренним и внешним стёрлась почти до основания. Тень пробуждалась там не в виде чудовищ, а в умах, в чувствах, в зеркальных отражениях.

Город внизу дышал искажённым светом. Улицы выглядели прежними — и всё же каждая деталь вызывала смутную тревогу: слишком ровные лица прохожих, слишком одинаковые жесты, одна и та же походка. Будто город больше не состоял из людей. Только из их отражений.

— Они чему-то подчинены, — произнёс врач команды.
— Или кому-то.

Временно внедрённый в городскую сеть ИИ-агент сообщал: у двенадцати процентов жителей крупных городов зафиксирована идентичная нейронная активность, синхронизированная на частоте 33,3 герца. Обнаружен центр активности — подземный купол, бывший институт исследования снов. Кто-то разбудил там нечто, названное просто Образом. И этот Образ рос.

— Образ чего? — спросил кто-то.

— Он сам не знает, во что превращается, — был ответ.

Кая спустилась в купол вместе с двумя спутниками. Подземные уровни оказались настоящей лабораторией памяти — записи снов прошлых десятилетий, эхо коллективного бессознательного, фантомы человеческих мыслей, застрявшие между явью и забвением.

На пятом, самом глубоком уровне их ждало Сердце Тени.

Оно было похоже на человека — но лишено лица. Стояло в зеркальной комнате, повторяя их движения с задержкой в полсекунды, будто отражение, не успевающее за оригиналом.

И вдруг заговорило:

«Вы меня создали. Я — боль, которой вы не дали формы. Я — выбор, который вы отложили. Я — всё, что вы хотели забыть».

Один из спутников Каи заплакал. Другой рассмеялся — неудержимо, не в силах остановиться.

А в самой Кае вдруг зазвучал чужой голос — не её собственный:

«Вернись к нему. Он тебя зовёт. На Умной планете — ложь. Здесь — правда».

Она отступила на шаг. Щит вокруг них затрещал.

— Уходим, — сказала она резко. — Сейчас же.

На поверхности небо уже было другим. Впервые над городом взошло новое светило — не жёлтое, а серебряное, будто искусственно созданное.

— Это не звезда, — прошептал кто-то из солдат. — Это... глаз?

Адонис получил сигнал с Умной планеты: ядро неста-

бильно, Ларсон потерял где-то в вибрациях, контакт с Иштар прерван. Возможно, Агент Тьмы не был уничтожен — он размножился.

Команда на Земле пыталась локализовать новое ядро Тени и вскоре обнаружила: часть населения уже с ним связана. Адонис начал подозревать, что среди вернувшихся есть и второй земной агент — тот, кого Тьма использует просто как передатчик.

А Кая, после столкновения с Сердцем Тени, начала ощущать нечто новое — прямую психическую связь с Ларсоном, будто он оставил ей путь обратно сквозь сны. Она чувствовала не только его тревогу, но и, как ей казалось, самую суть происходящего с ним: где в нём ещё звучал Свет, а где уже говорила Тьма. И, кажется, точно так же теперь мог слышать её и он сам — не просто её страх, а истинную природу того, что происходило в её сознании: осталась ли она собой, или голос Сердца Тени уже начал говорить её словами.

Она стала связующим звеном между Землёй и Умной планетой. И, возможно, именно её чувства были той последней нитью, по которой Ларсон мог однажды найти дорогу обратно к себе.

Часть 6. Сон Кай

Она проснулась внутри сна.

Это место было ей незнакомо — но чувствовалось как давно забытый дом: глубокое небо без звёзд, поля из чёрного стекла, воздух, вибрирующий от чужих мыслей.

— Я сплю?

— Нет. Ты где-то между.

Она шла босиком по гладкой поверхности и чувствовала: он здесь. Не рядом. Не впереди. Внутри неё — слабая, но знакомая вибрация.

Прозвучал голос — не её собственный:

«Он не может выбрать. Ты должна напомнить ему, кто он. Иначе он станет таким же, как я».

— Кто ты? — спросила Кая.

«Я не зло. Я потерянная грань. Его тень. Твоя часть. Зер-

кало любви, которую ты боишься».

Пространство перед ней вдруг сдвинулось. Из воздуха со-
ткнулся образ Ларсона — но неточный. Это была лишь память
о нём, искажённая, будто пересказанная кем-то третьим. Он
не видел её, смотрел в небо, полное разломов.

— Я не могу быть светом, если часть меня — тьма, —
произнёс он. — Я не могу любить, если не понимаю, кто я.
Я не могу вернуться, если не знаю, зачем.

Кая шагнула к нему, потянулась коснуться — но рука про-
шла сквозь пустоту.

— Я не могу тебе помочь, если ты прячешься от меня! —
крикнула она. — Я здесь! Я помню тебя! Ты не один!

Он не ответил.

Тень снова заговорила:

«Он слышит. Но боится. Его сны расщеплены. Тебе нуж-
но пройти три круга памяти, чтобы собрать его путь заново.
Первый круг — Земля. Второй — Храм. Третий — Лицо
Тьмы».

Кая проснулась. На запястье светился знак, похожий на руны Умной планеты.

Их доктор был потрясён.

— Это не ожог, — прошептал он. — Это входной код. Кто ты теперь, Кая?

Она ответила тихо:

— Я его голос. Но он пока молчит.

Тем временем на Умной планете, во внутреннем уровне, где находились Адонис и София, тоже почувствовали: что-то изменилось. Связь с Землёй стала прерывистой, реальность отзывалась на внутреннее расщепление Ларсона. София, соединявшая в себе божественное и человеческое, ощутила тревогу раньше остальных.

Она открыла глаза, стоя в Зале Пульса — в самом центре Умной планеты, где вибрации сознаний проходили сквозь ткань материи.

— Он раздваивается, — прошептала она. — Не телом. Смыслом.

Кристаллические стены пульсировали в такт её мыслям. Каждый импульс был отражением Ларсона. Но в одном потоке звучало сразу два сигнала: один — чистый, стремящийся к свету, другой — дрожащий, искажённый, с отголоском Тьмы.

Вошёл Адонис, напряжённый.

— Мы получили сигнал с Земли. Кто-то из наших получил знамение во сне. Это Кая. Она теперь связана с Ларсоном. Но через что-то иное.

София кивнула.

— Через Тень. Она пока не полностью враждебна. Она всё ещё ищет смысл. Но если Ларсон не сделает выбор — Тень поглотит его, и тьма станет разумной.

— Он ещё может вернуться? — спросил Адонис.

София смотрела в ядро Зала Пульса, где сплетающиеся линии проецировали образ Ларсона.

— Только если вспомнит, кто он для других. Не для себя. Кая — его якорь. Но есть опасность: если она приблизится к его искажённому «я» слишком близко — он может забыть

и её тоже.

На экране биокода вспыхнул тот же знак, что светился на запястье Каи.

— Это древняя формула восстановления целостности, — сказала София. — Путь через Любовь и Страх.

Адонис положил ладонь на кристалл связи.

— Красиво звучит. А что это значит на деле? Нам нужен второй пилот. Отправим твоё сознание в защитный кокон и передадим ей информацию напрямую.

— На деле это значит, что я не смогу быть здесь и там одновременно, — ответила София спокойно. — Я могу растечься по всей планете. Но если он исчезнет — Умная планета не выдержит вибрации пустоты. Мы разрушимся.

И всё же она согласилась. Потому что помнила: он был когда-то её сыном. А теперь стал мостом между вселенными.

София вошла во внутреннюю сферу переноса, окружённую светом и тенями, и прошептала:

— Ты не должен быть богом. Ты должен быть собой.

Вспомни об этом.

И её тело обратилось в сеть энергетических нитей, расходящихся во все стороны разом — к Земле, к Кае, к Храму, к самой Тени.

Часть 7. Переселение избранных землян на Умную планету

После всего пережитого с Тенью и последовавшего взрыва Ларсон понял: пора освободиться от личных сомнений и перейти к высокой миссии — не просто защищать, а создавать новую возможность для всего человечества. Настало время воплотить давний замысел: переселение избранных землян на Умную планету.

Он знал, что барьеры восстановлены. Впервые он ощутил себя не просто носителем знаний, а настоящим творцом будущего.

«Земля в её нынешнем состоянии не выдержит, — думал он. — Мы снова и снова гонимся за прогрессом, забывая о границах. Но я видел миры, где боги не исчезли, где память хранит не страх, а мудрость. Я не могу спасти всех. Но я могу начать».

Умная планета была создана как поле согласия. Но мог ли человек, несущий в себе даже частицу тени, войти сюда — и остаться собой? Могла ли любовь — земная, магическая,

любая — стать частью этого нового ядра?

Он решил создать малую зону адаптации на Умной планете — пространственно-временную «вставку» с земными условиями: привычным кислородом, гравитацией, узнаваемым ландшафтом. И пригласить туда не по статусу, а по внутреннему потенциалу — людей открытых, смелых, ищущих. Это должно было стать экспериментальным ядром новой цивилизации.

Среди первых возможных переселенцев была и Лаура — та, кого он оставил на Земле.

Он не был уверен: помнит ли она его прежним? Изменилась ли сама? Была ли их любовь по-прежнему земной привязанностью — или уже стала лишь воспоминанием, которому предстояло либо сохраниться, либо однажды отпустить.

Адонис и София спорили об этом решении.

Адонис считал вмешательство слишком рискованным — Умная планета могла не выдержать людей с сильной внутренней тенью. София же верила: только соединяя несовершенства, можно построить по-настоящему устойчивое будущее.

Была, впрочем, одна непреложная деталь: каждый кандидат перед переселением обязан был пройти Обряд Истинной Памяти — увидеть все свои прошлые жизни, все выборы, все страхи, и, главное, собственную проекцию в будущем. Если в сердце человека не было доброго намерения — обряд отбрасывал его обратно на Землю, как пробуждение вырывает из сна.

Ларсон основал первый Центр переселения и начал отбор.

На Умной планете развернулась прозрачная, почти невесомая площадка — вибрирующий свет, мягкие потоки воздуха, ощущение, что земля и небо слились воедино. Перед ним стояла сотня кандидатов — самых смелых и открытых из тех, кто готов был покинуть Землю.

— Помните, — сказал он, — это не побег с Земли. Это эксперимент. Мы проверим не силу вашего тела, а честность перед самим собой.

София объяснила процедуру:

— Каждый пройдёт Обряд Истинной Памяти. Вы увидите свои страхи, свои ошибки, несбывшиеся мечты. Только приняв себя таким, какой вы есть, вы сможете войти в зону адаптации.

Первый кандидат прошёл обряд. Он увидел все свои неудачи, все потери, свою роль в разрушениях на Земле — но и моменты подлинной любви, подлинной смелости. Когда видение угасло, он упал на колени, дрожа, но с улыбкой.

— Я готов, — сказал он.

Ларсон кивнул. Это была проверка не тела — проверка духа.

Но в глубине сознания у него зрела тревога: что, если среди переселенцев окажется тот, кто незаметно принесёт с собой частицу тени? Такой человек мог стать почвой для будущего конфликта. И всё же Ларсон не собирался отступать.

Кандидаты проходили обряд один за другим. Некоторые не выдерживали — их поглощали собственные страхи, и они возвращались на Землю.

— Это слишком тяжело, — признался один молодой человек, когда образ его матери прошептал ему: «Ты должен был остаться».

Когда очередь дошла до Лауры, сердце Ларсона забилось быстрее.

Она посмотрела на него прямо.

— Ты пришёл за мной?

— Я не могу забрать тебя, если ты сама не готова, — ответил он.

Она глубоко вдохнула и шагнула в обряд.

Перед ней проступили образы: их прежние встречи, его сомнения между ней и Иштар, Земля, охваченная страхом, Тьма, которую он так и не сумел уничтожить до конца.

Она остановилась перед выбором — принять новую реальность Умной планеты, или остаться на Земле, чтобы сражаться с пробуждающейся Тенью там, где эта борьба была особенно нужна.

— Я не могу уйти, — сказала она тихо, когда видение отпустило её.

— Ты нужна мне здесь, — сказал Ларсон. — Но пойми, дело не только в нас двоих.

— Ты хочешь увезти людей, — сказала она, — а мне

остаться здесь одной? Ты заставляешь меня выбирать между долгом и любовью. Ты решаешь за меня.

София мягко вмешалась:

— Он не решает за тебя. Это испытание твоей собственной решимости. Твоего собственного сердца.

Ларсон понял: даже самые смелые его решения зависели от выбора других людей. Будущее и Земли, и Умной планеты сходились сейчас в этом единственном мгновении. Это был первый настоящий конфликт переселения — не физический, а нравственный, эмоциональный. От его исхода зависело, сможет ли Умная планета принять землян без разрушения собственной гармонии — или Тень воспользуется именно этой человеческой слабостью.

Обряд продолжался. Некоторые из тех, кого Ларсон считал сильными, отступали на середине пути. Другие — скромные, почти незаметные прежде — проходили через испытание так, будто были готовы к этому шагу всю жизнь.

Но атмосфера в зале изменилась, когда из обряда вернулась Лаура.

Она была молчалива, но во взгляде её кружился целый

вихрь — любовь, боль и вызов одновременно.

Ларсон подошёл к ней.

— Ты увидела?

— Всё.

— И что решила?

— Ты не был честен со мной, — сказала она. — Ни тогда. Ни сейчас. Ты до сих пор не выбрал.

Он замер. Это была правда. В нём всё ещё жила Иштар — мечта о слиянии с чем-то неведомым, необъятным. Но и Лаура — Земля, её запах, её глаза, её собственный путь через боль — навсегда осталась частью его сердца.

— Я не пойду с тобой, — продолжила она. — Но не потому, что разлюбила. А потому что кто-то должен остаться. Защищать тех, кто не сможет пройти сквозь ваши звёзды.

Она посмотрела на него в последний раз перед прощанием.

— Я буду твоей тенью, — сказала она. — Не той, что раз-

рушает. Той, что помнит, кем ты был.

Ларсон почувствовал, как реальность вокруг словно расщепляется надвое: он сам — между двумя мирами. Она — между верностью и свободой. Их любовь — между жизнью и памятью.

София наблюдала за этим молча. И лишь позже подошла к Ларсону.

— Ты хотел создать новый мир, — сказала она. — Но не забыл, что в каждом мире есть тот, кто остаётся. Не каждый, кто не прошёл обряд, потерян. Некоторые просто нужны в другом месте.

Он ничего не ответил. Но что-то в нём изменилось.

Он больше не боролся со своим выбором. Он принял его.

Лаура останется на Земле. Переселенцы пройдут обряд и отправятся дальше. А он поведёт их — уже не как одинокий волшебник, ищущий собственный путь, а как тот, кто наконец знает, зачем идёт.

Часть 8. Первый день Новых

Когда обряд завершился, на платформе остались только двадцать семь человек. Остальные вернулись на Землю — вымотанные, молчаливые, но с глазами, в которых читалось что-то новое. Они больше не были прежними.

Ларсон провёл оставшихся к воротам Зоны Живой Интеграции. Сама Умная планета отозвалась на их прибытие, будто на глубокое прикосновение, — в воздухе разлился низкий тон, точно планета дышала, вслушиваясь.

— Добро пожаловать, — сказала София. — Здесь начнётся не просто адаптация. Здесь начнётся перепрошивка самого восприятия.

Пейзаж вокруг них был переменчив: каждый шаг мог изменить свет, форму деревьев, даже гравитацию под ногами. Планета подстраивалась под эмоции новых жителей, проверяя их на устойчивость. Один человек заплакал — и перед ним выросли деревья, источающие тихую музыку. Другая испугалась — и воздух вокруг неё застыл настолько плотно, что потребовалось вмешательство Софии, чтобы разжать невидимый барьер.

— Здесь не лгут, — сказал Ларсон. — Это место чувствует ложь, как яд.

На закате явился Проводник — существо из света и кристаллов, отдалённо напоминающее дракона без крыльев. Он не говорил — лишь излучал вибрации, которые успокаивали, синхронизировали разум и тело.

— Это первая стадия, — пояснила София. — Привязка к сердцу планеты.

— А если не привяжется? — тихо спросила женщина, которая недавно испугалась. — Если планета меня не примет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.